

ПОЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ 1863 ГОДА И НАЦИОНАЛЬНО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ПРОБУЖДЕНИЕ РУССКОГО НАРОДА

Восстание, вспыхнувшее в январе 1863 года в Царстве Польском и распространившееся затем на территории Северо-Западного и Юго-Западного края России, представляло собой серьёзную внутреннюю и внешнюю угрозу для безопасности Российского государства. Внутреннюю опасность для территориальной целостности империи представляли не столько немногочисленные вооружённые отряды мятежников, с которыми успешно боролась регулярная русская армия, сколько разветвлённая и сильная подпольная организация с центром в Варшаве, поддерживаемая и направляемая влиятельной польской эмиграцией в странах Западной Европы¹.

Если в восстании 1830–1831 годов после разрыва династической унии с императором Николаем I управление Царством Польским осуществляло национальное правительство и сейм, а основные боевые действия против русских войск вела регулярная польская армия, то в восстании 1863–1864 годов ситуация была принципиально иной. На этот раз речь шла не о войне между двумя государствами — Российской империей и Царством Польским, а о вооружённом мятеже подданных империи, который вспыхнул на её западных окраинах. В это время Царство Польское, входившее в состав империи, управлялось российской администрацией, а против регулярной русской армии велась организованная партизанская и подпольная война, поддерживаемая частью местного населения и польской ирредентой в Австрии и Пруссии.

¹ *Айрапетов О. Р.* Царство Польское в политике империи в 1863–1864 гг. // Русский сборник: Исследования по истории России. / ред.-сост. О. Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М. А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол Чейсти. Т. XIV. М., 2013. С. 36; Всеподданнейший отчёт графа М. Н. Муравьёва по управлению Северо-Западным краем // Русская старина. 1902. № 6. С. 490; *Ананьев С. В.* 150-летие начала польского восстания (историографический обзор) // Вестник СГТУ. 2013. № 3 (72). С. 193–197; *Федосова Э. П.* Граф М. Н. Муравьёв-Виленский (1796–1866). Жизнь на службе империи. М., 2015.

В этой связи представителями национального польского движения в Варшаве было создано подпольное «правительство» и сеть органов власти на местах (воеводства, поветы), организованы подпольная печать, полиция, суды, почта и казначейские учреждения, которые собирали средства на восстание. Были созданы также иррегулярные вооружённые отряды во главе с полевыми командирами¹.

Активную, мобилизующую роль в восстании играло римско-католическое духовенство, опиравшееся на сочувствие Папского престола. Политическая и религиозная мобилизация мятежников проходила под лозунгами патриотизма, защиты католической веры, агрессивной русофобии и подкупающих социальных обещаний. Подпольная пропаганда и религиозные проповеди ксендзов разжигали во всех слоях общества политическую и религиозную ненависть к «москалю» и «схизматику», под которыми понимались Россия, великороссы и Православие².

Польское восстание 1863 года проходило под знаменами национализма — светского и религиозного, который культивировал идеи реванша — политического, национального и религиозного. Вобрав в себя идеи национального освобождения, мессианства, романтизма и патриотического самопожертвования, польский национализм носил одновременно агрессивно русофобский характер. Насаждаемая идеями национализма «утробная» ненависть к «москалю» порождала у мятежников такую же «утробную» жестокость к своему русскому врагу и к населению, сохранявшему верность императору Александру II³.

Российская администрация оказалась не в состоянии воспрепятствовать распространению националистической пропаганды, мобилизации средств и ресурсов для подготовки и проведения восстания. В связи с этим организация и деятельность подпольного польского «правительства» и его вооружённых формирований привели к появлению «двоевластия». Реализация власти названного «правительства», чрезвычайные методы его управления местной «администрацией» и вооружёнными формированиями, применение тактики жестокого

¹ Нарыс гісторыі Польскай Дзяржавы і Народа. X–XXI стст. Варшава, 2005. С.146.

² Бендин А. Ю. Михаил Муравьев-Виленский: усмиритель и реформатор Северо-Западного края Российской империи. М., 2017. С. 196–205, 278–281, 268–296.

³ Примерами такой «утробной» жестокости служит террор жандармов-вешателей и казни пленных русских солдат и офицеров в Царстве Польском и Западном крае. ГАРФ. Ф. 811. Оп. 1. Д. 68. Л. 36; Виленский вестник. 1863. 24 сентября; «Готов собою жертвовать...» записки графа М. Н. Муравьева об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нём мятежа 1863–1866. М., 2008. С. 390–391.

террора против законопослушного населения позволили придать восстанию организованный и массовый характер¹.

Возникшее в подполье мятежное «государство» стремилось вовлечь в вооружённую борьбу с «москалём» все сословия польского общества с целью придать восстанию в Царстве Польском общенациональное значение². Однако ни в Царстве Польском, ни в Западном крае России восстание так и не приобрело масштабный, общенациональный характер. Прежде всего потому, что на сторону мятежников не встало крестьянство, освобождённое от крепостной зависимости императором Александром II. В Западном крае России опорой восстания была немногочисленная польская ирредента, состоявшая из дворянства, шляхты, ксендзов и их католической крестьянской и мещанской паствы. Преодолеть узость сословно-клерикальной базы восстания предполагалось с помощью западно-русского крестьянского населения, абсолютное большинство которого составляли православные белорусы и малороссы.

Главной политической целью восстания было восстановление независимой Речи Посполитой в границах 1772 года³. По словам известного славяноведа А. Ф. Гильфердинга, «отвоевать Западную Русь — вот что составляло с самого начала главную, существенную задачу всего польского движения. Точка опоры была Варшава, но цель — Вильна и Киев»⁴. Следовательно, не только Царство Польское, но и российские территории Литвы, Белоруссии и части Малороссии должны были войти в состав второй Речи Посполитой. Подпольное польское «правительство» рассчитывало добиться своей цели путём насильственного разрушения Российского государства с помощью организации социального взрыва внутри страны и вторжения иностранных войск на её территорию. Для этого планировалось вовлечь в начавшийся вооружённый мятеж не только польское, белорусское, литовское и малороссийское крестьянство западных окраин, но и великорусское крестьянство центральной России⁵.

Вспыхнувшее польское восстание должно было спровоцировать общерусский крестьянский бунт, нацеленный на разрушение госу-

¹ Айрапетов О. Р. Указ соч. С. 71–73; 91–92.

² Брянецв П. Д. Польский мятеж 1863 г. Вильна, 1892. С. 254.

³ РГИА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 3. Л. 23; Восстание в Литве и Белоруссии 1863–1864. М., 1965. С. 12, 32.

⁴ Гильфердинг А. Ф. В чём искать разрешение польскому вопросу / Сборник статей, разъясняющих польское дело по отношению к Западной России. Вып. первый. Сост. и изд. С. В. Шолкович. Вильна, 1885. С. 51.

⁵ Восстание в Литве и Белоруссии. С. 3–4, 12, 20, 32; «Готов собою жертвовать...». Записки графа М. Н. Муравьёва об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нём мятежа 1863–1866 годов. М., 2008. С. 397.

дарственных институтов власти и управления и уничтожение общественного порядка. Наложение одного на другой национального и социального взрывов на западных окраинах и в центре позволило бы вызвать социальный хаос, массовую кровавую резню и погромы, чтобы затем в Россию, охваченную насилием и анархией, вторглись иностранные войска.

Следовательно, воссоздание Польского государства должно было осуществиться за счёт политической гибели и распада Российского государства. Польскую свободу предстояло оплатить ценой многочисленных русских жертв иностранной интервенции и взаимного истребления дворян и крестьян, отторжения российских территорий и разделения большого русского народа, состоящего из белорусов, малороссов и великороссов.

Для православного населения Западного края России победа польского восстания означала превращение региона из внутривосточной дворянской колонии в «домашнюю» колонию восстановленного Польского государства¹. В свою очередь, победа восстания становилась поражением Русской православной церкви, так как одним из лозунгов мятежников было восстановление унии, упразднённой в России решениями Полоцкого собора 1839 года. Таким образом, против Российского государства восстал внутренний политический враг, поддерживаемый извне, вооружённый, идейно и религиозно мотивированный, жестокий, целеустремлённый и организованный².

В восстании 1863 года цели и интересы внешних и внутренних политических врагов Российского государства временно совпали, что и привело к объединению их усилий. Как уже отмечалось выше, союзниками польских сепаратистов в деле уничтожения самодержавного Российского государства стали русские революционеры из подпольных организаций «Земля и воля», «Комитет русских офицеров в Поль-

¹ Бендин А. Ю. Указ. соч. С. 399–404.

² «Ему недостаточно простой независимости, — писал М. Н. Катков о требованиях польских мятежников, — он хочет преобладания; ему недостаточно освободиться от чужого господства, он хочет уничтожения своего восторжествовавшего противника. Ему недостаточно быть поляком; он хочет, чтоб и русский стал поляком, или убрался за Уральский хребет. Он отрекается от соплеменности с нами, превращает в призрак историю и на месте нынешней России не хочет видеть никого, кроме поляков и вырожденцев чуди или татар. Что не Польша, то татарство, то должно быть сослано в Сибирь, и на месте нынешней могущественной России должна стать могущественная Польша по Киев, по Смоленск, от Балтийского до Черного моря». См: Катков. М. Н. Польский вопрос // 1863 год. Собрание статей по польскому вопросу, помещавшихся в Московских ведомостях, Русском вестнике и Современной летописи. Вып. первый. М., 1887. С. 24.

ше», М. А. Бакунин, а также А. И. Герцен и Н. П. Огарёв, издававшие газету «Колокол» в Лондоне¹.

Политический сценарий русских революционеров предусматривал использование социальных ожиданий крестьянства, вызванных освободительной реформой 1861 года, для организации антигосударственного мятежа с целью реализации идей утопического социализма, социального равенства и федерализма. С такой же жестокостью, как и их польские соратники, предполагали действовать и русские революционные экстремисты из организации «Земля и воля». Они ставили своей целью натравить низшие сословия на высшие и тем самым спровоцировать русское крестьянство на массовое насилие в отношении русского дворянства — помещиков и чиновников, то есть развязать самоубийственную гражданскую войну².

В свою очередь, задачей А. И. Герцена и его единомышленников являлась идейная поддержка революционного экстремизма, направленного на разрушение государственного и общественного порядка, а также дискредитация, деморализация и разложение русской армии, боровшейся с восстанием, превращение её из защитника независимости и территориальной целостности страны в инструмент разрушения Российского государства³.

Подняв первыми знамя вооружённого мятежа, польские сепаратисты действовали прагматично, расчётливо и беспощадно. Они стремились использовать русских революционеров и русское крестьянство в качестве объектов манипулирования, рассматривая их как средства

¹ Вестник Западной России. 1866. № 10. С. 42–51; Вестник Западной России. 1866. № 11. С. 110–127.

² В своей прокламации «Свобода» экстремисты из организации «Земля и воля» призывали к «неуклонной борьбе с врагом русского народа — императорским правительством». Колокол. 1863 г. 1 июня; в прокламации «Молодая Россия», составленной П. Г. Заичневским, утверждалось: «Выход из этого гнетущего, страшного положения, губящего современного человека, и на борьбу с которым тратятся его лучшие силы, один — революция, революция кровавая и неумолимая, революция, которая должна изменить радикально всё, — всё без исключения, основы современного общества и погубить сторонников нынешнего порядка. ... мы издадим один крик: «в топоры», и тогда... тогда бей императорскую партию, не жалея, как не жалеет она нас теперь, бей на площадях, если эта подлая сволочь осмелится выйти на них, бей в домах, бей в тесных переулках городов, бей на широких улицах столиц, бей по деревням и сёлам! Помни, что тогда кто будет не с нами, тот будет против; кто против — тот наш враг; а врагов следует истреблять всеми способами». См.: Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация. Ред. Е. Л. Рудницкая. М., 1997. С. 143–144, 149.

³ Колокол. 1863 г. 15 января; Колокол. 1863 г. 1 февраля; Колокол. 1863 г. 15 февраля; Колокол. 1863 г. 1 апреля; Колокол. 1863 г. 15 апреля; Колокол. 1863 г. 1 мая.

достижения своей главной политической цели — восстановления независимой Речи Посполитой в границах 1772 года.

Для того чтобы реализовать замысел подпольного «правительства», польская пропаганда, обращённая к белорусским, малороссийским и великорусским крестьянам, обещала им отмену всех повинностей и бесплатную землю за счёт государственных и помещичьих земель. Например, в Северо-Западном крае России манифесты подпольного «правительства» обещали белорусским и литовским крестьянам бесплатные земельные наделы, которыми они пользовались, а безземельным крестьянам, «которые пойдут против москалей» по пять моргов казённой земли, требуя взамен «защищать польский край, гражданами которого они с сего дня являются»¹.

В Юго-Западном крае мятежники объявляли малороссийским крестьянам «Золотую грамоту», содержащую обещания воли, свободы, равенства и бесплатных земельных наделов от польского «правительства»².

В Поволжье польские сепаратисты и российские революционеры пытались спровоцировать великорусский крестьянский бунт с помощью фальшивого «Царского манифеста», в котором объявлялось о бесплатной раздаче земель, об уничтожении всех податей, об упразднении всей армии и об отмене всех существующих гражданских властей³.

Таким образом, щедро раздаваемые провокационные и соблазнительные социальные обещания должны были вовлечь крестьянство России в самоубийственную ловушку польского мятежа и общерусского бунта с целью насильственного уничтожения главного врага сепаратистов и революционеров — монархического Российского государства⁴.

Следует отметить также и внешнеполитический аспект противостояния Российского государства с польскими сепаратистами и рус-

¹ Восстание в Литве и Белоруссии. С. 3–4, 20; ГАРФ. Ф. 811. Оп. 1. Д. 67. Л. 44.

² Восстание поляков в Юго-Западной России в 1863 г. Киев, 1863. С. 10–61.

³ Колокол. 1863 г. 20 июня.

⁴ Для понимания идейных причин сложившегося союза польских сепаратистов и русских революционеров следует привести слова А. И. Герцена, характеризующие его отношение к Русскому государству, которое исторически являлось главной несущей опорой русской цивилизации. Свой весьма специфический русский патриотизм Герцен объяснял следующим образом: «Мы с Польшей потому, что мы за Россию. Мы со стороны поляков, потому что мы русские. Мы хотим независимости Польши, потому что мы хотим свободы России. Мы с поляками, потому что одна цепь сковывает нас обоих. Мы с ними, потому что твёрдо убеждены, что нелепость империи, идущей от Швеции до Тихого океана, от Белого моря до Китая — не может принести блага народам, которых ведёт на смычке Петербург. ... Да, мы против империи, потому что мы за народ!». См.: Колокол. 1863 г. 1 апреля.

скими революционными экстремистами. Сепаратистское восстание против самодержавной России получило широкую политическую и общественную поддержку в странах Западной и Центральной Европы¹. А. Н. Мосолов, один из сотрудников виленского генерал-губернатора М. Н. Муравьёва, так вспоминал об этих событиях: «Все иностранные газеты были наполнены возгласами и сожалениями о поляках, мужественно гибнущих за отечество; нас называли варварами и монголами и предлагали нам обратиться подальше на Восток, где наше истинное призвание, и уступить место польской цивилизации»².

Многочисленная польская эмиграция при поддержке правительств и либеральных изданий развернула в западной прессе активную пропагандистскую кампанию в защиту «героических поляков», восставших против «азиатской и деспотической России»³. В развернувшейся информационной войне польские националисты демонстрировали своё «европейское» культурное превосходство перед отсталыми русскими варварами, которых они уничижительно именовали «москалями», «монголами» и «татарами».

Идейным стержнем начавшейся информационной войны являлась агрессивная русофобия — демонизация России и русских, которых представляли в качестве варварской, азиатской угрозы для самого существования высшей европейской цивилизации. Сами же польские пропагандисты горделиво величали себя спасителями цивилизованной Европы от нового татарского нашествия с Востока. Польские эмигранты уверяли своих западных союзников, что возрождённая Польша станет «играть роль стража Европы от нашествия *москвитян*, которое день ото дня становится очевиднее».

Пугая европейцев «московским вторжением в Европу», эмигранты убеждали их, что «национальную и географическую границу со стороны России составляют Днепр и Двина; что тут кончается европейский мир и начинается азиатский, монгольский; что между этими мирами нет никакого возможного союза, никаких отношений, никакой политики, никакого сближения, ни в нравах, ни в семейных связях, как между англо-саксонцами и краснокожими; что москвитяне (как теперь стараются называть русских) должны во что бы то ни стало быть от-

¹ Аксаков И. С. Польский вопрос и западнорусское дело. / Соч. Т. 3. Изд. 2-е. СПб., 1900. С. 33–35.

² Мосолов А. Н. Виленские очерки 1863–1865 гг. (Муравьёвское время). СПб., 1898. С. 8.

³ Польский Центральный комитет в «Манифесте 22 января 1863 года» демагогически призывал «убогий и насилуемый народ московский» на «страшный погибельный бой, последний бой европейской цивилизации с диким варварством Азии». См.: ЛГИА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 12. Л. 43.

брошены в свои степи; что под этим только условием Европа будет спокойна от нашествия татарского варварства»¹.

Россия, ослабленная, униженная, потерпевшая поражение в Восточной войне 1853–1856 годов, переживающая к тому же сложную крестьянскую реформу 1861 года, представлялась польским националистам удобным объектом для очередной военной интервенции Великобритании и Франции, предпринимаемой на этот раз ради освобождения Польши. Действительно, правительства этих стран начали оказывать жёсткое дипломатическое давление на императора Александра II, требуя официально признать мятежников воюющей стороной, правомочным субъектом переговорного процесса, то есть домогаясь принципиальных политических уступок, которые означали бы на деле повторную капитуляцию России перед коалицией западноевропейских государств. По словам Ю. Ф. Самарина, «в отплату за расчленение Польши Европа призывается теперь к расчленению России»².

Восстание, не имевшее шансов на военный успех, тем не менее, продолжалось, так как, по словам вице-канцлера А. М. Горчакова, «в политическом отношении зрелище это рассчитано на то, чтобы произвести впечатление на Европу. Заграничные распорядительные комитеты приказывают поддержать во что бы то ни стало брожение с целью давать пищу разглагольствованию печати, приводить в заблуждение общественное мнение и тяготеть над правительствами, подавая предлог и повод для дипломатического вмешательства, за которым последовало бы вмешательство вооружённое. В этом лежат все надежды восстания; в этом заключается цель, к которой стремится оно с самого начала»³.

Таким образом, с началом польского восстания сформировались основные источники угроз государственной и общественной безопасности Российской империи. С этого времени на обширной территории страны и за рубежом сложился и начал действовать союз политических врагов Российского государства, объединённых разными, но временно совпадавшими целями и интересами. На международной арене союзниками польских сепаратистов и российских революционных экстремистов выступили Великобритания, Франция и Австрия, заинтересованные в капитуляции императора Александра II перед польскими мятежниками⁴. Началось противостояние военное, политическое, идейное и дипломатическое.

¹ Прудон П. О польском вопросе // Сборник статей, разъясняющих польское дело по отношению к Западной России. Сост. С. Шолкович. Вильна, 1885. С. 85.

² Самарин Ю. Ф. Статьи разнородного содержания и по польскому вопросу. Том первый. М., 1877. С. 332.

³ Виленский вестник. 1863 г. 13 июля.

⁴ Черевык К. А. Вмешательство великих держав в польское восстание 1863 года и позиция России // Манускрипт. 2019. Т. 12. Выпуск 6. С. 84–89.

Напряжённая политическая ситуация 1863 года порождала в формируемом русском обществе чувство опасности, тревоги и обеспокоенности за судьбу России. Эти настроения, ставшие всеобщими и массовыми, довольно быстро начали трансформироваться в психологическую готовность к вооружённой борьбе и самопожертвованию во имя защиты «царя-Освободителя» и русского Отечества¹.

Патриотические настроения, возникшие в ответ на вызов внутренних и внешних врагов России, стали катализатором общественной активности, принявшей форму монархических манифестаций, демонстрировавших политическое единство сословий и единение общества с «царём-Освободителем». Началось всеобщее общественное движение «за целостность и неприкосновенность земли русской», которое выросло стихийно, из практики подачи «всеподданнейших адресов и писем» на имя императора Александра II.

Начавшееся в конце 1862 – начале 1863 года в Западном крае России в православной крестьянской и мещанской среде, это спонтанное движение было подхвачено дворянством центральных губерний². Так, в марте 1863 года к императору обратились дворяне Санкт-Петербургской губернии, которые заявили в своём адресе: «Вызванные польскими смутами притязания на достояние России возбуждают в нас скорбь и негодование. Завистники наши мнят, что время преобразований, предпринятых Вами для пользы и преуспевания государства, благоприятствует их замыслам на всецелость Русской державы. Но тщетны были бы их покушения! Испытанное в преданности и самоотвержении дворянство, не щадя сил и жертв, в тесном союзе со всеми сословиями станет на защиту пределов империи»³.

В 1863 году сотни таких писем от представителей всех сословий России публиковали газеты «Северная почта», «Русский инвалид», «День», «Московские ведомости», «Виленский вестник» и др. «Всеподданнейшие адреса и письма» стали стихийным проявлением политического доверия и преданности русского общества императору Александру II как верховному защитнику Русской земли и Православной веры. Вместе с тем названные «адреса и письма» стали проявлением

¹ Следует отметить, что русское патриотическое движение, начавшееся «снизу», происходило также и в традиционных формах церковного богослужения. С началом мятежа в Царстве Польском тысячи фабричных рабочих Москвы заказывали в церквях панихиды по убиенным русским воинам и молебны о победе русского оружия. См.: Московские ведомости. 1863 г. 28 марта.

² Бендин А. Ю. Указ. соч. С. 268–283.

³ Катков М. Н. 1863 год. Собрание статей по польскому вопросу, помещавшихся в Московских ведомостях, Русском вестнике и Современной летописи. Вып. первый. М., 1887. С. 93.

неотрефлексируемой экзистенциальной защиты реформируемого русского общества, которое не могло смириться с новым поражением Российского государства¹.

Решимость встать на защиту Отечества, заявленная в обращениях к монарху, свидетельствовала о том, что патриотическое общественное мнение воспринимало борьбу с польским мятежом не только как вопрос государственный. Претензии польских сепаратистов на Западный край России придали правительственной борьбе поддержку всех сословий русского общества, следовательно, подавление мятежа и отражение угрозы интервенции стран Запада впервые становилось делом общенациональным. «В русском обществе пробудился патриотический дух, — писал М. Н. Катков, — возникло сознание государственного единства и государственных интересов, — сознание, без которого никакое общество не может считаться цивилизованным и зрелым»².

Начавшаяся в это же время теоретико-публицистическая деятельность представителей славянофильской и консервативной элиты стала своеобразной интеллектуальной рефлексией, идейно-теоретическим выражением защитной реакции русского общества на угрозу разрушения Российского государства и разделения большого русского народа. В это время консервативно-патриотическая мысль российского общества была представлена известными именами М. Н. Каткова, И. С. Аксакова, Ю. Ф. Самарина, М. О. Кояловича, А. Ф. Гильфердинга, Н. Н. Стрехова, Кс. А. Говорского, которые публиковали свои статьи в газетах «Московские ведомости», «День», «Северная почта», «Рус-

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп.1863. Д. 1376. ч.1-8; РГИА. Ф. 1282. Оп.3. Д. 559. Л. 46, 51-52, 160-162, 202; НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 31298. Л.16, 28, 56, 146, 157; НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 34. Д. 344. Л. 18, 58, 61. Всесословное массовое движение в форме «всеподданнейших писем и адресов» вызвало гневную реакцию со стороны А. И. Герцена. В своей ненависти к мощно вспыхнувшему патриотическому общественному движению Герцен не скупился на язвительные и уничижительные определения и характеристики. Сама мысль о том, что публично заявляющий о себе русский общественный патриотизм есть явление естественное, органическое, национальное, была для Герцена невыносима. Для него национальная и моральная правота польских мятежников была абсолютной и неоспоримой. Поэтому он настойчиво уверял читателей «Колокола», что «адреса», идущие от всех сословий к императору, написаны по образцам, составленным в МВД. Политическое негодование Герцена проявилось во множестве злобных и желчных эпитетов, которыми он щедро награждал патриотическое движение русского общества: «Адресоложество», «Патриотический бред по образцам», «Правительственная фабрикация адресов», «Фабрики адресов» и пр. В унисон Герцену вторили западноевропейские либералы, которые внушали своим читателям, что всеподданнейшие адреса пишутся «по приказанию полиции». См.: Северная почта. 1863. 28 мая.

² Катков М. Н. 1863 год. Собрание статей по польскому вопросу. С. 37–38.

ский инвалид», в журналах «Русский вестник», «Вестник Юго-Западной и Западной России» и др. Названные издания стали притягательным идейным центром, вокруг которого происходила консолидация патриотически настроенного русского общества и к голосу которого прислушивалась правящая политическая элита.

Решительные действия правительства по подавлению вооружённого мятежа и твёрдое противодействие дипломатическому шантажу Великобритании, Франции и Австрии свидетельствовали о начавшемся повороте во внутренней и внешней политике России. Отныне политика правительства становилась, по словам Ю. Ф. Самарина, не «мнимо консервативной», проводимой во имя отвлечённых идейных принципов и интересов иностранных государств, а приобретала черты русской, национальной политики, основанной на национальных интересах Русского государства и русского народа¹.

Военно-политическая защита национальных интересов России вызвала, в свою очередь, появление массового патриотического движения, принявшего всеобщий национальный характер. Под воздействием внутренней и внешней угрозы безопасности России произошло ситуативное совпадение интересов русского сословного общества и самодержавной власти, основанное на общей ответственности и общем понимании необходимости защиты государства.

В ситуации углублявшегося противостояния независимые от правительства представители славянофильской и консервативной элиты начали идейно осмысленную экзистенциальную защиту монархических, патриотических и религиозно-нравственных оснований русского общества и государства. Раскрывались не только идейно-нравственные смыслы происходившей борьбы за Россию и против России, осмысливались и определялись также её национальные интересы в области внешней и внутренней политики, происходило теоретическое согласование интересов Российского государства и русского народа. Усилиями славянофилов и консерваторов начался процесс конструирования общерусского этнического самосознания и формирования идей русского национализма.

Общерусское самосознание и русский национализм 1863 года имели своим источником не только реальную опасность, которая угрожала государству как главному условию существования большого русского народа. В качестве источника этих явлений следует назвать спонтанное народное сочувствие великороссов, проявленное к своим западным русским братьям, православным белорусам и малороссам, которые оказались под гнётом польского дворянско-шляхетского

¹ Самарин Ю. Православие и народность. М., 2008. С. 295.

меньшинства, поднявшего вооружённый мятеж для восстановления своего политического господства над Западной Русью.

В этой связи подавление мятежа рассматривалось патриотическим русским обществом не только как необходимая тройная задача — военная, административная и политическая. Нравственная правота и справедливость принимаемых мер усматривались, в первую очередь, в том, что правительство решало одновременно и задачу *национальную*, так как речь шла о защите западных русских, которым грозила опасность очередного польского порабощения.

Русский национализм 1863 года создавался ситуативно и носил неагрессивный и защитный характер. Этому типу национализма не был присущ групповой эгоизм, предусматривающий превосходство русских над другими, или неуважение к культурным и религиозным традициям иных народов, в частности польского, литовского и др. Русский национализм не формулировал свои принципы и основания путём создания образов внутреннего и внешнего врага, не пропагандировал ненависть к польскому народу, к Западу, к русским политическим экстремистам.

Для защитного русского национализма были характерны, прежде всего, патриотическая идея жертвенности во имя защиты Отечества, опора на идеи самодержавной монархии, православную веру, русскую историю, этническое единство и солидарность трёх ветвей большого русского народа — белорусов, малороссов и великороссов. Русский национализм славянофилов и консерваторов основывался на идее взаимной ответственности: свободный от крепостного права русский народ несёт ответственность за судьбы освободившего его государства, а государство, в свою очередь, защищает общенациональные интересы, которые включают в себя интересы русского народа и Русской православной церкви.

Поэтому в идейно-ценностных основаниях национализма 1863 года содержался принцип религиозно-этнической солидарности великороссов с западными русскими, которые стали жертвой инационального угнетения. Тем самым утверждалась идея ответственности Российского государства, Русской православной церкви и русского общества перед белорусами и малороссами за сохранение их русской идентичности, обеспечение сословных прав и свобод, развитие церковной, социально-экономической и этнокультурной жизни¹.

¹ Аксаков И. С. Польский вопрос и западнорусское дело. С. 91-92; Гильфердинг А. Ф. Польский вопрос. Часть II. Статьи по современным вопросам славянским / Собр. Соч. Т. 2. СПб., 1868. С. 328–329; Самарин Ю. Ф. Статьи разнородного содержания и по польскому вопросу. С. 293–350; Коялович. Шаги к обретению России. Минск, 2011. С. 558–583.

УДК 8/9(082)
ББК 63я431+80я431
С48

**Русская экспертная школа
Смоленский государственный университет
Всемирный русский народный собор**

С48 Словесно-исторические научные чтения им. Т. Н. Щипковой. Гуманитарные науки и отечественное образование. История, преемственность и ценности : Сборник научных статей / Под ред. А. В. Щипкова. — Москва : Русская экспертная школа, 2020. — 144 с.

ISBN 978-5-6041154-4-2

Сборник представляет читателям научные статьи, которые подготовлены на основе тезисов, прозвучавших 17 февраля 2020 года в Смоленском государственном университете в рамках первых Словесно-исторических научных чтений «Гуманитарные науки и отечественное образование. История, преемственность и ценности». Это мероприятие было посвящено 90-летию со дня рождения Татьяны Николаевны Щипковой (1930–2009) — православной исповедницы веры, филолога и преподавателя факультета иностранных языков Смоленского педагогического института им. К. Маркса (в настоящее время — Смоленский государственный университет) в период с 1961 по 1978 год.

Контакты:
www.russian-expert.ru
mail@russian-expert.ru

Гравюра на обложке:
Смоленск. Собор, гимназия и Дмитровские ворота
(Рисов. на дер. Н. И. Соколов, грав. К. Вейерман)

ISBN 978-5-6041154-4-2

© Щипков В. А., 2020
© Русская экспертная школа, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Артеменков М. Н.</i> Приветственное слово. Преемственность поколений и ценностей в истории Смоленского государственного университета	5
<i>Исидор, митрополит Смоленский и Дорогобужский</i> Приветственное слово. Конференция памяти Т. Н. Щипковой	7
<i>Щипков А. В.</i> Приветственное слово. Жизненный путь Т. Н. Щипковой в контексте религиозной жизни в СССР	8
<i>Аристархов В. В.</i> О концепции культурно-образовательной политики	17
<i>Щипкова Л. В.</i> Т. Н. Щипкова и ленинградская грамматическая школа романистики	20
<i>Каиль М. В.</i> Отцы-основатели и рождение «советского университета» в Смоленске	27
<i>Перевезенцев С. В.</i> Историческое сознание: опыт типологизации	32
<i>Козлов Ю. В.</i> Литературный процесс и евангельские тексты	46
<i>Щипков В. А.</i> Постсекулярный поворот в современной гуманитарной науке	51
<i>Ковалёва В. С.</i> Традиции и сегодняшний день филологического факультета СГПИ — СГПУ — СмолГУ	55
<i>Гронский А. Д.</i> «Свои» и «не свои» войны в белорусском идеологическом дискурсе	59
<i>Власова Ю. Н.</i> Из истории кафедры французского языка СмолГУ	69

<i>Шевченко К. В.</i> Языковые и образовательные аспекты этнокультурной инженерии в Восточной Галиции в XIX — начале XX века	72
<i>Терещенкова А. А.</i> Мои учителя	92
<i>Павлова Л. В.</i> О чём говорят протоколы заседаний смоленских писателей 1970-х годов	95
<i>Романова И. В.</i> Из жизни смоленской интеллигенции 1960–1970-х годов (по воспо- минаниям профессоров филологического факультета СГПИ)	101
<i>Левшун Л. В.</i> «Аберрации адекватности» в современных учебных программах по гуманитарным дисциплинам	106
<i>Белютин Р. В., Баруздина С. А.</i> Международные научно-образовательные связи кафедры немецкого языка СмолГУ	117
<i>Бендин А. Ю.</i> Польское восстание 1863 года и национально-патриотическое пробуждение русского народа	120
<i>Щипков Н. А.</i> Политические репрессии в США в середине XX века: опыт сравнения инструментов политического давления в странах демократического и коммунистического блоков	132
<i>Матвеевков Д. В.</i> Ты — наша гордость! Иняз СГПИ, 1970–1990-е годы	137